

Селезнева Л.В.

ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ДИСКУРСА

**Селезнева
Лариса Васильевна**кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и литературы
Российского государственного социального
университета

E-mail: loramuz@yandex.ru

В настоящее время дискурс можно отнести к центральным концептам научного гуманитарного знания. Многомерность и многоаспектность данного понятия, широкое употребление в разных дисциплинах отражает сдвиг в научной парадигме в сторону междисциплинарного исследования функционирования языка. Обращение к новому понятию было обусловлено, как считает Е.С. Кубрякова, «потребностью в создании такого нового концепта, который соединил бы существующие в неясном и смутном виде представления в единый гештальт и помог бы отразить в едином образе порождаемую в особых условиях речь, связываемую с самими коммуникативными условиями этого порождения»¹. Интенсивное исследование языка в разных гуманитарных науках (философии, культурологии, социологии, семиотики, литературоведения, социолингвистики, прагматики, когнитивной лингвистики и т.д.) и выбор в качестве методологического основания научного анализа дискурса позволило российским ученым вслед за Ромом Харрэ говорить о дискурсивном перевороте².

Разнонаправленность дискурсивных исследований отражает классификация О.Ф. Русаковой, в которой выделяется шесть основных подходов к интерпретации дискурса: 1. лингвистический подход, который рассматривает языковую сторону дискурса; 2. кратологическую интерпретацию, получившую распространение в социологии и связанную с именем Мишеля Фуко, который интерпретировал дискурс как мощный ресурс, обладающий властно-принудительной силой; 3. семиотические концепции, в рамках которых дискурс выступает как знаково-символическое

образование, как культурный код; 4. социально-коммуникативную трактовку, определяющую коммуникативные цели и социальные функции дискурса; 5. постмодернистское направление, рассматривающее дискурс как сетевое коммуникативное пространство, в котором происходит переформатирование реальности и конструирование новой; 6. комбинированный подход, соединяющий различные трактовки дискурса³.

В рамках лингвистического подхода главной особенностью дискурсивной парадигмы стала, как отмечает Е.С. Кубрякова, «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию»⁴. Это дало основание говорить о том, что важным свойством дискурса является интеракционность, т.е. зависимость от условий социальной ситуации.

Интеракциональная природа дискурса позволяет проанализировать коммуникативное событие в целом или его часть (коммуникативные акты), посмотреть, как отдельный коммуникативный акт проявляет свои свойства в другом социальном окружении, и главное в рамках нашего исследования – рассмотреть текстопорождающую функцию дискурса. Как отмечает В.А. Миловидов, дискурс «есть практика текстопостроения, процесс создания, развертывания текста во времени и пространстве»⁵. Т. ван Дейк, отстаивая преимущества данного подхода, пишет, что «следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия», «при определении значения дискурса нужно учитывать значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание мира, другие установки и представления»⁶. Т.е. для Т. ван Дейка, интеракциональная природа дискурса имеет определяющее значение.

Об особой роли дискурса, позволяющей адресату интерпретировать сообщение, а адресанту передать информацию, выразить мысль, пишет и Дебора Шиффрин: «The fact that discourse has this role takes us outside of linguistics per se simply because we have to address how the language of

discourse is related to aspects of the communication process the bear an indirect and complicated (as well as controversial) relationship to language per se»⁷ («Сам факт наличия у дискурса этой роли выводит нас из границ (пределов) лингвистики как таковой по той простой причине, что мы исследуем, как язык дискурса связан с различными аспектами коммуникативной деятельности, которая в свою очередь к языку как таковому имеет опосредованное, сложное (равно как и противоречивое) отношение» (перевод мой – Л.С.)).

С позиций прагмалингвистики дискурс является отражением психологии человека, поэтому не может быть отчужден как от говорящего, так и от слушающего. С этой точки зрения, при анализе дискурса учитываются установка и намерения адресанта, пресуппозиция, т. е. оценка говорящим общего фона знаний, информированности, особенностей характера адресата, интерпретация им речи и определение того, какое воздействие оказывает речь на адресата. Прагматика дискурса сформировалась в результате исследования обыденной речи – практического рассуждения и диалога в работах зарубежных и отечественных ученых (Г.П. Грайс, Д. Гордон, Дж. Лакофф).

Когнитивно-ориентированный анализ дискурса (Т. ван Дейк, В. Кинч, Е.С. Кубрякова, Ч. Филлмор, Л.В. Цурикова) обращен к ментальным структурам, восприятию высказывания, сценариям, которые вырабатываются в результате интерпретации текста и на основе структур, извлекаемых из памяти, операционным установкам, действующим при порождении и восприятии текста. Это определяется когнитивным подходом к языку в целом, для которого характерно убеждение в том, что языковые формы являются отражением когнитивных структур, т. е. структур человеческого сознания. Когнитивная лингвистика как одно из направлений функциональной лингвистики рассматривает первостепенную роль функций языка, прежде всего когнитивных, от которых зависят языковые формы.

В связи с этим с позиций когнитивной лингвистики дискурс рассматривается как «особый фрагмент ментального мира»⁸, как процесс порождения и понимания текста, в результате которого «в памяти конструируется его ментальное представление»⁹. Основы такого подхода заложили Т. ван Дейк и В. Кинч, которые в 80-е

годы выдвинули идею когнитивных механизмов обработки дискурса. Они исходили из тезиса о том, что понимание текста складывается из понимания ситуации, о которой идет речь, и предлагали для интерпретации текста – «модели ситуаций», в основе которых лежат не абстрактные, а личностные знания. Они выделяли два объекта для анализа – структуру представления знаний и способы концептуальной организации дискурса.

В настоящее время на первый план при анализе и интерпретации текста выходит такое понятие, как фрейм. Фрейм (англ. frame – скелет, осто,в, рамка) – модель стереотипных ситуаций, является базовой категорией когнитивной лингвистики. Это сценарии, которые моделируют знания о типичных ситуациях и позволяют правильно интерпретировать содержание текста.

Создателем теории фреймов считается Марвин Минский¹⁰ – американский ученый, специалист по искусственному интеллекту. Ранее термины «фрейминг» и «рефрейминг» использовались Э. Гоффманом в социологии и социальной психологии для обозначения различных способов видения общественно значимых проблем и поддержания этого видения. Например: ядерная энергетика может подводиться под фреймы прогресс, сделка с дьяволом.

Отправной точкой теории Минского явился постулат о том, что человек для познания новой для себя ситуации или для того, чтобы по-новому взглянуть на уже привычные вещи выбирает из памяти структуру данных – образ, с тем, чтобы, изменяя отдельные детали, сделать эту структуру пригодной для понимания более широкого класса явлений. Этот образ и есть фрейм. С ним ассоциируется различная информация, имеющая трехчастную структуру. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если ожидания не подтвердятся.

Графически фрейм можно представить в виде сети, состоящей из узлов, расположенных на разных уровнях, и иерархических связей между ними. Узлы верхнего уровня представлены такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предлагаемой ситуации: это название ситуаций (например, знакомство), название зрительного образа (например, дерево), название дей-

ствия (например, уборка комнаты). Узлы нижнего уровня заполняются заданиями по мере приспособления фрейма к конкретной ситуации, из того класса ситуаций, который представляет данный фрейм. Такие незаполненные узлы называются терминалами. После того как выбран фрейм для представления ситуации, процесс согласования фрейма с данной ситуацией состоит в нахождении заданий для терминалов фрейма; если выбранный фрейм не удастся согласовать с реальностью, то обращаются к сети поиска информации, которая позволяет найти другие способы представления знаний о фактах. Теория представления знаний с помощью фрейма, развиваемая Минским, позволяет объяснить ряд характерных особенностей человеческого мышления.

В когнитивной лингвистике фрейм стал использоваться для обозначения принципа организации, который лежит в основе репрезентации знания и семантической репрезентации. Ч. Филлмор определил фрейм как специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруживаемых в концептуальных системах (концептах). Он разграничивает понятий; *сцена – схема – фрейм – модель*. Под термином *сцена* он понимает данные, почерпнутые из реального мира, а также индивидуальные воспоминания обо всем этом. Когда имеется в виду одна из концептуальных систем, то употребляется термин *схема*. Если имеется в виду языковое оформление схемы, то это является *фреймом*. И термин *модель* используется, если речь идет о том представлении мира, которое складывается у интерпретатора в процессе анализа текста.

Ч. Филлмор выстроил цепочку интеграции фрейма: сначала у человека складывается понимание событий реального мира и собственное отношение к этим событиям, т. е. концепт, затем подбираются слова из языкового фрейма, соответствующего данному концепту¹¹. Слова актуализируют в сознании говорящего весь фрейм и схему, с которой он ассоциируется. В свою очередь, схемы могут быть использованы в качестве инструмента построения модели текста, то есть модели мира, совместимой с текстом. Еще несколькими годами ранее Ч. Филлмор писал: «Люди могут понять то, что мы говорим, если их языковой

репертуар активизирует такие же сходные схемы и если опыт по усвоению этих схем сравним с нашими»¹². Непонимание или недопонимание может возникнуть, по теории Ч. Филлмора, в том случае, если неправильно определена фреймовая структура, которая используется в тексте.

В этом плане показательным является рассказ японского студента Сакума Йосукэ, написанный на русском языке на тему «одиночество»: *Он вышел из последнего метро. По пути домой зашел в магазин, машинально купил банку пива и маленький пакетик сыра. Держа все в голых руках, подошел к кассе. Из наушников сильно билась музыка, чтобы оторвать его мир от внешнего, но все-таки смазливый голос продавщицы или пронзительный голос девушки прорывались сквозь музыку*¹³. В том случае, если автор нам неизвестен, то мы воспринимаем данный текст как текст с речевыми ошибками, т. к. в русском языке отсутствуют сочетания: *последнее метро, держа в голых руках, смазливый голос*. Однако, зная, что автором является японский студент, нам становятся понятны эти сочетания, в которых проявляются национальные особенности восприятия и устройства социума. В Японии поезда метро соединяются с пригородными поездами и ходят по расписанию, поэтому как об автобусах в России мы говорим *последний автобус*, так и о японском метро говорят *последнее метро*. В японских магазинах обязательно использование корзины, но герой рассказа так погружен во внутренний мир, что не следует этому правилу и держит продукты *в голых руках*. Автор называет голос продавщицы *смазливым*, т. к. в Японии важно, чтобы голос продавца нравился всем.

Необходимо отметить, что в настоящее время для анализа дискурса характерен междисциплинарный подход: все чаще в дискурсивных исследованиях используются достижения разных наук, все прозрачнее становится грань между исследованиями, например, в рамках когнитивной лингвистики и прагматической лингвистики. Наши наблюдения соотносятся с высказыванием О. К. Ирисхановой, которая пишет, что «частое обращение когнитологов к коммуникативным актам и к дискурсу в целом следует расценивать как нарастание общей тенденции, направленной на преодоление границ между когнитивной семантикой и прагматикой, что, несомненно, способствует взаимному

обогащению этих двух, некогда существовавших параллельно, направлений»¹⁴. Ученые отмечают, что логика научных исследований дискурса приводит к необходимости создания междисциплинарного подхода¹⁵.

Таким образом, различные методы анализа дискурса, создают некий комплексный подход для его исследования. Основными предпосылками стали следующие постулаты: «1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе; 2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т. е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга; 3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте; 4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения; 5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии; 6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста»¹⁶. Один из путей решения проблемы комплексного изучения дискурса стал когнитивно-дискурсивный, или коммуникативно-когнитивный подход, предложенный Е.С. Кубриковой¹⁷. Он предполагает, с одной стороны, прагмалингвистическое исследование дискурса и его описание в терминологии речевых актов и речевых событий, а с другой стороны, когнитивный анализ, задачей которого является определение структур репрезентации различных видов знаний, речевых стратегий.

Литература:

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 524.
2. См. Ковальская Л.Г. Компьютерно-медийный дискурс: коммуникативное пространство и электронная среда // Язык и дискурс в современном мире. Материалы международной научно-лингвистической конференции. 19–20 мая 2005 г. / Глав. ред. С.К. Беданова. Ч. 1. – Майкоп: изд-во АГУ, 2005. – С. 184–195; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.; Русакова О.Ф. Лингвистические и кратологические трактовки дискурса / О.Ф. Русакова // Без темы. – 2006. – № 2 (2). – С. 59–65 [Электронный ресурс] // [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0002\(02_2006\)&xsl=tableOfContents.xslt&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0002(02_2006)&xsl=tableOfContents.xslt&doc=../content.jsp).
3. Русакова О.Ф. Лингвистические и кратологические трактовки дискурса / О.Ф. Русакова // Без темы. – 2006. – № 2
4. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000, С. 10.
5. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. С. 23.
6. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер с англ. / Т.А. ван Дейк / сост. В.В. Петрова; под ред В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. С. 122.
7. Schiffrin D. The language of discourse: Connections inside and out // Text – vol. 10–1990 – p. 99.
8. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000, С. 16.
9. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / сост. В.В. Петрова; под ред В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989, С. 158–159.
10. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
11. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–92.
12. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. Прикладная лингвистика / Сост. В.А. Звегинцева. – М.: Радуга, 1983. – С. 111.
13. Цит. по Васильева О.Ф. Понимание как методологическая категория для построения методик интерпретационного типа // Вестник Университета российской академии образования. № 3. 2006. – С. 102.
14. Ирисханова О.К. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой / Отв. ред. Н.К. Рябцева. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 684.
15. См.: Лузина Л.Г. Виды информации в дискурсе // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. Научно-информ. Исслед. Отд. языкознания. Редкол.: С.А. Ромашко, отв. ред и др. – М., 2000. – С. 137–151 Цурикова Л.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма как новое направление описания и анализа речемыслительной деятельности // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой / Отв. ред. Н.К. Рябцева. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 76–92.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
17. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. Научно-информ. Исслед. Отд. языкознания. Редкол.: С.А. Ромашко, отв. ред. и др. – М., 2000. – С. 7–25.